

Символисты и политика.

В качестве литературного направления символизм возник как реакция противодействия социально ориентированной литературе. Вместо того, чтобы «идти в народ» подобно старшему поколению литераторов, символисты призывали заглянуть внутрь себя для обретения само- и миропознания. Реалисты в своих произведениях имели дело с «подножным» материалом, предлагая конкретные пути исправления современного им общества, а символисты предпочитали, по выражению Брюсова, «рассматривать любое явление в перспективе вечности». Мережковский с презрением говорил о «мертвых разговорах мертвых людей об экономическом благосостоянии народа». Во избежание любых связей с «утилитарным искусством» символисты декларируют абсолютное отсутствие какой бы то ни было зафиксированной идеологии в качестве отправного пункта своей программы. Заявленные антидогматизм и антирационализм – черты, особенно характерные для творчества Брюсова и Бальмонта, определявшими искусство как «познание мира вне рациональных форм, вне причинно-следственных связей». Не существует единственной и окончательной истины, к которой стремится познание. «Мне сладки все мечты, мне дороги все речи,/ И всем богам я посвящаю стих...», - писал Брюсов в поэме «Я» (1899). Владислав Ходасевич вспоминает похожее высказывание, сделанное в 1904г.: «Очень вероятно, что существует не один, но восемь истинных ответов на один и тот же вопрос. Если мы сознательно выбираем лишь один ответ, мы опрометчиво игнорируем остальные семь». Подобная приверженность плюрализму, или, если смотреть под другим углом, отсутствию жестких принципов, касалась не только вопросов эстетики, ее Брюсов последовательно демонстрировал и всем своим образом жизни. Когда после Октябрьской революции его обвиняли в оппортунизме, он заявлял о своем праве на непоследовательность как часть его литературного метода: «Лишь поэт-педант способен избежать противоречий, только тот, кто не «создает», а «выпускает» своих стихи, будет всегда верен одному и тому же представленному в них взгляду».

Во французском символизме определяющим было ощущение конца, *fin de siècle*. В России напротив, смена веков сопровождалась оптимистическим «рассветным сознанием». Подобные настроения пронизывают сборник стихотворений Бальмонта «Горящие здания» (1900), но ярче всего ощущаются в поэзии «младших символистов». В ней можно увидеть попытку разгадать то, что Белый назвал «апокалиптическим ритмом времени». Поэтам представлялось, что радикальный исторический сдвиг сотворит новое небо,

новую землю и преображенного человека. Тоска по религиозному возрождению и революции духа вдохновлялась и кругом символистского чтения, прежде всего, трудов Владимира Соловьева. Именно в свете подобных настроений и ожиданий символисты позже и восприняли реальные политические события, связанные с войной и революцией, - как знаки надвигающегося Апокалипсиса.

Ожидания совсем иного рода пестовались Брюсовым. Когда в 1903г. символисты учредили свой собственный печатный орган «Новый путь», он оставил за собой роль не только поэта и литературного критика, но и политического комментатора. Уже первая статья Брюсова обнаружила его интерес к большой политике и, по большому счету, судьбам человечества. Его главный тезис состоял в том, что если 19-й век был эрой национализма, 20-й должен стать эпохой империализма и больших империй. Брюсов не ограничивался ролью беспристрастного наблюдателя, он стремился увидеть подтверждения своей теории. Крупные державы должны начать передел мира, а малым народам придется принять «универсальную историческую миссию империализма». Одна из таких больших исторических империй – Россия, и ей Брюсов отводил особую роль. И это не была миссия духовного или религиозного порядка, как о том грезил славянофилы, а лишь обязанность привести в действие определенные силы и распространить определенное влияние. Брюсов мог писать о России как «Третьем Риме» («Цусима», 1905), но это была лишь дань исторической традиции – идея России-хранительницы истинного христианства была чужда нерелигиозному Брюсову. Для концепции, которую он обозначал как «географический патриотизм», значительно важнее религии и культуры были факторы политической мощи и огромной территориальной протяженности. Брюсов считал, что российская власть обязана принять статус большой державы и выполнить историческую задачу, откликнуться на призыв к национальному возрождению.

В 1904г. война с Японией закончилась поражением России в Маньчжурии. Это была империалистическая война на дальних рубежах, бесславно проигранная кампания свела на нет широко распространившийся подъем национального духа. Символисты, не включаясь активно в борьбу, предпочитали наблюдать за событиями со стороны. Общего взгляда на Русско-Японскую войну символисты не представили, но в качестве, если можно так сказать, репетиции своего будущего участия в событиях Первой мировой войны обозначили некоторые значимые моменты. Брюсов приветствовал вступление в войну. Он был убежден, что осуществление

исторической миссии России должно начаться именно на Дальнем Востоке, где до сих пор, к его огромному сожалению, Россия демонстрировала неуместную «корректность», проводя осторожную политику уступок. В первый же день войны Брюсов пишет поэму «К Тихому океану», призванную вдохновить русскую армию на решительное наступление на восток. Русские военные амбиции полностью соответствовали духу эпохи, как он понимался Брюсовым, и никакие препятствия морального характера не должны были мешать их осуществлению. В одном из личных писем поэт так комментирует ситуацию: «Сейчас как раз наступил подходящий момент для бомбардировки Токио... Я люблю японское искусство. С детства любил рассматривать эти фантастические японские храмы, музеи... Но русские снаряды могут стереть с лица земли эти храмы и музеи, да и самих художников, если они всё еще живы. Вся Япония может превратиться в нечто наподобие древней Эллады, в руины лучшего и великого прошлого, но я на стороне варваров, на стороне гуннов, я на стороне русских!»

Подобные вспышки беззащитной страсти к разрушению заставили литературного критика Константина Мочульского обратиться к анализу внутреннего склада личности Брюсова:

В действительности брюсовский дух искал конца, разрушения, падения, уничтожения. Он был «наиболее утонченный из русских писателей», убежденный певец цивилизации, гуманист в самом широком смысле слова, но в самых темных глубинах его души таился первобытный русский нигилизм. Он любил порядок, пропорцию и форму, но инстинктивно тянулся к хаосу, в европейце Брюсове скрывался древний гунн.

Эта поразительная на первый взгляд брюсовская жажда разрушения находила свой отклик и у других символистов. На пути к качественным переменам предстояло пройти через гибель культуры, мятежи, революции и войны, затем на этих руинах предстояло родиться новой жизни. Судьба личности тут вызывала мало интереса, ведь речь шла о формировании будущего. Не страшно, если революционный поток сметет их собственный социальный класс и даже всю европейскую цивилизацию. Что касается мировой политики, Брюсова очень привлекала роль непосредственного очевидца судьбоносных событий, нечто сродни настроению, выраженному Федором Тютчевым в его знаменитом стихотворении, написанном во время Крымской войны: «Счастлив, кто посетил сей мир/ В его минуты роковые!/ Его призвали всеблагие/ Как собеседника на пир./ Он их высоких зрелищ зритель». Эти тютчевские строки Брюсов дважды – в 1906г. («Stephanos») и в 1916г. («Семь цветов радуги») - выбирает в качестве эпиграфов для своих стихов, таким образом в очередной раз подчеркивая: история не есть просто

собрание фактов и событий минувшего, но также и нечто, что творится здесь и сейчас. «Острое ощущение сопричастности настоящему историческому моменту, очевидца истории, ее духа, оценивания настоящего – жизни, политических событий, культуры – с точки зрения перспектив мировой истории – всё это составляющие образа мысли Брюсова, человека и поэта», - пишет специалист по символизму Дмитрий Максимов.

Бальмонт полагал, что необходимо самым срочным образом определить личное отношение не только к войне текущей, но и к войне вообще. В поэме «*Rex hominibus bonae voluntatis*» он занимает пацифистскую позицию, проклиная войну как животное ослепление, и в двух других поэмах – «Война» и «Война не вражда» из «Литургии красоты» (1905) – поэт заявляет, что живет в ином, чем воюющие народы, измерении, наполненном благожелательностью ко всем людям. Парадоксально, но пацифизм Бальмонта приводит его к абсолютному принятию войны: «Настолько чужда мне вражда,/ Что, если б в сражении был я солдатом,/ Спокойно б стрелял я тогда» («Война не вражда»). Живя в мире «чудес и мечты» и благословляя лишь полноту настоящего момента, Бальмонт отказывается подчиняться любым жестким моральным нормам.

Совсем иное отношение, близкое по духу гуманизму русских реалистов, находим у Сологуба. Его болезненный взгляд на мир прекрасным образом уживался, даже с самых первых его произведений, с исповеданием любви к России, ее природе и непостижимой судьбе. Русско-Японская война вызвала к жизни гражданскую лирику, в которой Сологуб характеризует войну как «страдания людей, бесчисленные жертвы, слезы матерей».

Основную часть своих комментариев по поводу Русско-Японской войны символисты публиковали в издании «Новый путь». В этих же публикациях можно найти и наиболее последовательную духовную интерпретацию войны. Поэт и литературный критик Александр Смирнов представлял войну как противодействие двух ценностных систем. В ней столкнулись «самый религиозный из всех религиозных народов и самый безбожный из всех атеистических». Сакральная миссия России – покарать народ без религии и этики, так как только катастрофа может духовно пробудить Японию. И не смотря на полное поражение в этой войне, подобное убеждение воскресло в 1914-м, только место Японии заняла Германия. Но уже в 1904г. отголоски такой идеи находим, например, у Иванова, ликовавшем при мысли о том, что война знаменует собой начало новой духовной эры, в которой России придется сделать выбор между «крестом» и «змием». Мережковскому так же

была близка идея духовного межнационального конфликта, в то время как Блок считал, что война одновременно ложный путь, на который толкают русский народ, и предвестие мятежа. Итак, шовинизм Брюсова, патриотизм Сологуба, индивидуализм Бальмонта, религиозные ожидания Иванова и Мережковского суть корни будущего восприятия большой войны символистами в 1914-м. К этому можно еще добавить картину войны как тотального сумасшествия, данную Зинаидой Гиппиус в коротком рассказе «Нет возврата» (1906).

Поражение и бегство русской армии, заключение позорного мира с Японией – всё это был психически весьма травматичный опыт. Для Брюсова это значило не только то, что России на тот момент придется похоронить свои амбиции в отношении Дальнего Востока, но и то, что Россия не способна возродиться в качестве великой державы («Цусима»). Бальмонт стыдил русского царя за поражение («Наш царь»), продолжая протестовать против войны как таковой. Иванов видел в военной катастрофе расплату для российской власти, не способной сберечь свою страну и вступившей в союз со Смертью («Стены Каиновы», 1906). Война стала тем крещением огнем, в котором России следует оторвать взгляд от земли и настоящего с его предательскими лидерами и устремиться ввысь в поисках небесного покровительства («Цусима», 1905).

«Кровавое воскресенье» - кровавый разгон мирной демонстрации в январе 1905г. – ознаменовало начало революции 1905 года. В такой ситуации оказалось просто невозможным оставаться в стороне от происходящих событий, сосредоточиться лишь на своей собственной эмоциональной жизни, и уже очень скоро рабочие, революционеры и писатели, как реалисты, так и символисты, слились в едином порыве борьбы с самодержавием. Дальше всех из символистов пошёл, пожалуй, Николай Минский – он вступил в социал-демократическую партию и начал издавать первую легальную большевистскую газету. Его поэма «Гимн рабочих» начинается с призыва из «Интернационала»: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Мережковский и Гиппиус составили протестное письмо властям против грубого подавления народного недовольства, а в это время другие помогали строить баррикады, участвовали в уличных демонстрациях и собирали деньги для бастующих рабочих. Исчезло былое отчуждение от гражданской тематики, и «старшие», и «младшие» символисты всю публиковали политические стихи в социалистических газетах и сатирических журналах. Собственно символистский журнал «Вопросы жизни» превратился в радикальное политическое издание.

Для Бальмонта такое положение дел не было чем-то абсолютно новым, революционные настроения он вынес еще из своих гимназических и университетских лет и был, пожалуй, единственным из символистов, не отрицавшим абсолютно право на существование в поэзии гражданской тематики. Тем не менее до определенного момента Бальмонт был больше занят самим собой, чем социально-политическими вопросами, об этом он свидетельствует в стихотворении «Поэт рабочему» (1905). Вдохновленный событиями текущего момента он заявляет об изменении поэтического ракурса: «Предо мною вал морской,/ О, Рабочий, я с тобой,/ Бурю я твою пою!» Это уже не «сладкоголосый певец любви и природы», а политический сатирик, в чем убеждается читательская аудитория 1905-1907гг. И если ранний Бальмонт в своих стихах отдавал предпочтение намёкам и неопределенности выражения, то теперь он превращается в грозного обличителя и определенно формулирует свои симпатии. Поиск оригинальности в поэтическом лексиконе уступает место заштампованной революционной риторике. Россия, «прогнившая монархия», сравнивается с застенком, в котором царят насилие и произвол. Бальмонт не стесняется в выражениях, адресованных государю («грязный негодяй с кровавыми руками»), желая увидеть его восходящим на эшафот. Целью революции поэту видится «свобода», социалисты – это товарищи по борьбе. Сологуб так же ликует по поводу пробуждения России, благословляет бунт во имя свободы и братства. В его новом цикле стихов «Родине» (1906) декадентство и индивидуализм сменяются революционной и патриотической тематикой.

В свете происходящих событий Брюсов создал несколько стихотворений, проникнутых благоговейным восторгом перед нахлынувшей революционной волной. В стихотворении «Юлий Цезарь» (1905) поэт защищает идею бунта против слабой власти, готовой к постоянным компромиссам. Русская революция, таким образом, это кара режима, не способного отстоять достоинство империи – аспект, более глубокий, чем взгляд на революцию как способ решения социальных проблем и утверждения идеи народного представительства. Брюсов определяет свою поэзию как «обнаженный кинжал» в руках народа («Кинжал», 1904). И всё же поэт инстинктивно поднимается на защиту поэзии от подавления ее нелитературными мотивами. Когда в 1905г. Иванов обращается с просьбой о публикации политических комментариев в журнале «Весь», именно Брюсов отстаивает идею автономности искусства. Таким же образом он защищает свободу мысли в ответ на ленинские требования к литературе подчиняться интересам партии. Стихотворение «Близким» (1905) – своеобразный манифест нелояльности,

отказ соответствовать претензиям социалистов. Пока рушится старый мир, поэт может быть с революционерами, но когда победа завоевана, он просит оставить его в покое с его поэзией: «Я вижу новый бой во имя новой воли!/ Ломать – я буду с вами, строить – нет!» В 1905г. литература для Брюсова – разрушительная сила, инструмент апокалиптического видения, но он отказывается поставить ее на службу общественной программе, вспоминая об изначальном отвержении символистами «гражданской поэзии».

В противовес Бальмонту, Сологубу и Брюсову Мережковский, Гиппиус, а также «младшие» символисты смотрят на революцию 1905 года с точки зрения идеалистического представления о мире. Мережковского и Гиппиус интересует духовное значение происходящих событий. По мере того, как в участниках революции будет пробуждаться религиозное сознание, ее характер будет меняться. Мережковский видит приметы духовного братства в революционном объединении интеллигенции с народом и в универсальности целей социал-демократов. Революция есть первый шаг к анархии, единственному общественному устройству, которое дает представление о власти Господа, потому что никакой другой власти уже не существует.

Духовный анархизм соединяется с максималистским идеалом свободы у Иванова, когда он пытается определить значение революции для христианского пути России. Революция – своего рода чистилище и предтеча более значимых и великих событий. Отрицая либерализм и парламентаризм как западные «псевдосвободы», к которым он попросту питал отвращение, Иванов связывает свои метафизические ожидания с образом русского народа, носителя истинных христианских идеалов братства и свободы. В некоторых стихотворениях Иванова этого периода прочитывается выраженное неприятие самодержавия, но в основном его поэзия не содержит никакого сколь-нибудь ясного политического посыла, оставаясь метафорической и загадочной.

Белый был чужд политической жизни, хотя предпочитал называть себя радикальным социалистом. С его революционным складом сознания он жаждал бунта самого широкого размаха и максимального обновления жизни, так что его отношением к революционным событиям была горячая вера в наступление новой эры и новой России. Ему представлялось естественным соединение мистики с идеалами социалистов – и то, и другое суть пути освобождения России от устаревших политических форм и сотворения идеального мироустройства. Блок называл себя социал-демократом и

написал несколько «революционных стихов», но тем не менее отчетливо ощущал, что революционеры относятся к совершенно иному человеческому типу, чем он сам. В революционном столкновении двух миров поэт видел себя «кающимся аристократом», сознающим всю социальную несправедливость и принимающим революцию как мощную разрушительную силу, которая уничтожит, прежде всего, его собственный мир.

Таким образом, события Русско-Японской войны и революции 1905 года оказали весьма глубокое влияние на развитие символистского направления, приблизив символистов к текущей политической жизни России. Происходящее послужило вдохновением для «гражданской лирики» символистов, в которой отношение к политическим и социальным вопросам соединялось с символистской художественной программой и «жизнестроительными» устремлениями. Поражение революции переживалось как горький опыт и разочарование, не смотря на то, что символисты воспринимали ценность революции как таковой как борьбы за свободу в широком смысле и предтечи всеобщего апокалипсиса. Иванов сравнивал Россию с Голгофой, покрытой крестами. Жестко обвиняя царизм, он представляет угрожающие видения того, как «просвещенные сердца» сбросят деспотизм. Он солидарен с Бальмонтом, который бранит «палачей революции» и тех, кто сдался слишком легко и быстро. Сведение счетов с революционерами коснулось и символистского лагеря. Минский был арестован и обвинен в подрывной деятельности, но ему удалось бежать во Францию. Еще раньше уехали за границу Бальмонт, Мережковский и Гиппиус. В Париже символисты-эмигранты публикуют радикальные статьи и произведения о провале освободительного движения. Книга Мережковского и Гиппиус «Царь и революция» (Париж, 1907) и сборник революционных стихотворений Бальмонта «Песни мстителя» (Париж, 1907) попали под запрет в России. Тираж выпущенных в России в количестве 21 000 экземпляров «Стихотворений» Бальмонта был немедленно изъят. Сологуб так же имел проблемы с политической цензурой, издавая в 1906г. свои «Политические сказочки» с их сатирическими выпадами против самодержавия. Мережковский и Гиппиус получили возможность вернуться в Россию в 1908г., а Бальмонту пришлось ждать амнистии 1913г., объявленной по случаю 300-летия дома Романовых.

В последовавший за подавлением революции 1905 года период реакции в стане символистов, как и в целом в обществе, усилились пессимистические настроения и одновременно ослабла решимость к активному участию в

политической и социальной жизни. Бальмонт призывает соотечественников продолжить борьбу и отомстить за поражение, но сам при этом после «Песней мстителя» практически полностью отходит от гражданской тематики. Блок свысока иронизирует по поводу своих взглядов революционного периода, высмеивая свои собственные мистические ожидания. В романах Сологуба «Мелкий бес» и «Творимая легенда» отчетливо проявляется острая критика застойной жизни русской провинции, но именно в эти послереволюционные годы его поэзия наиболее депрессивна.

Брюсов возвращается к «чистой» поэзии, объединив несколько своих политических стихотворений под общим названием «Современность». В стихотворении «Наш демон» поэт показывает, что тяжелее всего им переживается даже не поражение революционного движения, а утраченное величие Российской империи. Он не расстается с мечтой о политическом влиянии и военной мощи России, правда, теперь совершенно не уверен, где именно находится сфера российских интересов. Если в начале века он предупреждал о германской угрозе, то в 1911г. Брюсов говорит об Азии («Проснувшийся восток»), а двумя годами позже об исламском мире как о главных противниках России и Европы.

Опасность панмонголизма, или «желтая угроза», идея, впервые развитая Соловьевым, по-прежнему актуальна, и Русско-Японская война еще раз доказала реальность этой опасности. Эта идея находит свое символическое выражение, например, у Мережковского, который толкует панмонголизм как наступление «мира посредственности и абсолютной мелкобуржуазности». На Востоке царствует религия без Бога, сотворенный человеком позитивизм, и поэтому духовная победа Востока будет равна отрицанию метафизического мира. Революционные беспорядки в Китае в 1911г. вновь актуализировали эти идеи в творческом сознании символистов. Блок предрекает поход «монгола» против западной цивилизации, заявляя при этом, что для Запада это будет наказанием, посланным свыше. В романе Белого «Петербург» «монголизм» - синоним разрушения и хаоса, тех первозданных сил, которые грозят уничтожением России и всей арийской культуре.

Выход из идейной изоляции и разочарованности предлагала широкая концепция неопопулизма. Тема России проявляла себя в интересе к национальной традиции и духовным народным корням. Бальмонт в своей поэзии обращается к славянскому фольклору и мифологии. Именно в этих источниках следует искать истинную душу России в противовес российской

государственности, история которой сплошь гнет и произвол. У Блока на первый план выходит тема интеллигенции и народа – пропасти между ними и необходимости объединения. Народ – это революционная сила, культура образованного класса утратила свою жизнеспособность. Двойственное ощущение неизбежности конца и революционных перемен находят свое выражение в стихотворении «На поле Куликовом» (1908). Вячеслав Иванов так же говорит о необходимости для интеллигенции обратиться к своим началам, к народной душе.

Очевидно также и возникновение новых мессианских настроений. Взгляд на Россию Блока двойственен, это стихия одновременно хаотичная, но и бурная, неистовая, с огромным жизненным потенциалом избранной нации, в то время как европейская цивилизация с ее индивидуалистической культурой – это уже мертвый мир. Белый смотрит на Европу как одряхлевший организм и ищет новые силы в России. Он не идеализирует русскую жизнь, осознавая социальную несправедливость и классовый разрыв, необходимость духовного и морального очищения. Движение по пути к обновлению и рождению «нового человека» тормозится самодержавием и тяжелыми общественными противоречиями. Эти-то помехи и должны стать целью новых революций. Позже российская дилемма начинает восприниматься Белым как часть глобального кризиса. Сознание современного человека расколото, в нем борются интеллект и чувства, индивидуальное и общественное, наука и религия, необходима некая объединительная сила.

Раны, нанесенные поражением революции общественному сознанию, постепенно затягиваются, и медленно воскресают ожидания грядущего апокалипсиса и мечты об универсальной духовной общности. У Иванова, Мережковского и Гиппиус вновь находим идеи о коллективном движении человечества к единению на земле и обретению согласия с Богом. Не смотря на довольно мрачную картину настоящего, ивановская мысль проникнута метафизическим оптимизмом и верой в будущие глобальные перемены. Гиппиус усиливает работу по насаждению религиозного сознания, подчеркивая, что лишь религия способна заполнить вакуум, порожденный революцией. Поворот от пессимизма к «рассветному сознанию» можно проследить и в произведениях Белого после 1909г.

Ожидания символистов носят не только метафизический характер. Брюсов рассчитывает, что его новый сборник стихов «Семь цветов радуги» обретет жизнеутверждающий голос. Его желанием было прославить полноту земной жизни. Но наиболее разительная перемена настроения происходит в

творчестве Сологуба. В 1912г. Максим Горький публично отчитывал Сологуба за то, что он вместе с такими писателями как Леонид Андреев заражает русское общество атмосферой пессимизма. Но через некоторое время утвердившийся образ Сологуба как «поэта смерти» уже не соответствовал действительности. В одном из рассказов 1910г. он делает первую попытку создать положительного героя. Главная мысль стихотворного сборника «Очарования земли» - благословение земного мира, а пьеса «Заложники жизни» и трилогия «Творимая легенда» пронизаны не просто желанием увидеть сотворение «счастливого и разумно устроенного мира», но и верой в то, что подобное преобразование действительности под силу человеку.

Именно Сологуб наиболее четко формулирует необходимость подвергнуть ревизии символистские принципы. В начале 1914г. было устроено публичное обсуждение с Сологубом, Ивановым и Георгием Чулковым в качестве приглашенных ораторов. Не смотря на постигшие символистов кризис и разногласия, Сологуб объявляет символизм лидирующим литературным направлением эпохи. Отталкиваясь от того, что он называет индивидуалистическим (Брюсов, Бальмонт) и космическим символизмом (Мережковский, Гиппиус, Иванов, Блок, Белый), Сологуб грезит о формировании некоего синтеза, «демократического символизма», цель которого преобразование и усовершенствование жизни. Задача художника, как он формулирует это позже в статье «Искусство наших дней», выявить скрытые цели развития и выразить на языке искусства то, «что не существует, но должно обрести существование». И поскольку символисты всегда находились в поиске неких сущностей, скрытых за миром явлений, и пытались выразить свои внутренние ощущения, используя довольно абстрактные и широкие по значению символы, им будет не трудно справиться с поставленной задачей.

Вера Сологуба в силу искусства и творческого воображения не знала границ. Поэт ссылаясь на Оскара Уайльда: искусство не зеркало жизни, это жизнь подражает искусству. Люди – это куклы в руках писателей, ведь обывательское сознание и убеждения формируются литературными героями. Если за художественным произведением скрывается сильная воля, произойдет преобразование мира, но не через силу убеждения, а благодаря лишь магии творчества. Художник оказывает влияние на свою аудиторию, которая затем меняет реальность. Поскольку реальность, в соответствии с идеалистическим представлением, разделяемым Сологубом, определяется сознанием, главное – это не то, что существует в действительности, а

направление и сила человеческого видения и волевой энергии: «Если ты чего-то по-настоящему хочешь, соединяешь собственную волю с мировой волей, чтобы достичь того, чего хочешь». Для раннего Сологуба преобразование жизни являлось глубоко индивидуальным процессом, инструментами которому служили мечта и художественная фантазия, теперь же он говорит об искусстве как активной и демократичной силе, полной любви к жизни и стремящейся к *соборности*.

Другие символисты не комментировали тезисы Сологуба, но его устремления к преобразению общества и человечества через универсальное искусство находились в гармонии с господствующим внутри символистского лагеря настроением. Сологуб не успел более детально сформулировать свою идеологию «мировой воли» до начала Первой мировой войны, но разразившаяся война не только не отодвинула абстрактные символистские построения на задний план, но напротив, наполнила их новым содержанием. Начинался последний акт русского символизма.